

18+

ВЯЧЕСЛАВ ТИТОВ

Кочевник

· Записки оператора ·

Москва 2026

Вячеслав ТИТОВ

Кочевник. Записки оператора

«Издательские решения»

Титов В. В.

Кочевник. Записки оператора / В. В. Титов — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В этой книге истории рассказаны человеком не очень разговорчивой профессии. Автор — оператор-документалист. Но оказывается, лучшее и неожиданное часто остается за объективом видеокамеры. Эта книга — дневник кочевника, который по редакционному заданию попадал в самые неожиданные ситуации. И только выдержка и чувство юмора помогали автору выбираться из них не только с эксклюзивным материалом для репортажей, но и с дополнительным багажом «записок на манжетах» из которых и скроена эта книга.

© Титов В. В.

© Издательские решения

Содержание

Слово берёт оператор	6
Не стреляйте в оператора. Он на работе	7
Три фальшивых альпиниста	7
Осмотр на месте	9
Для начала — просто Памир!	12
Хорог, Пяндж, Ванч. Что дальше?	16
Перевал по имени Шерготал	19
«Сначала — Бе-е-лий! Потом — чо-о-рный!»	22
Течёт река до-о-о-лго	26
Здравствуй, чёрный Дед Мороз!	30
Испытание пловом. Очень горячее блюдо	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кочевник Записки оператора

Вячеслав Владимирович Титов

Иллюстратор Михаил Станиславович Акимов

дизайнер Юлия Дмитриевна Герасименко

© Вячеслав Владимирович Титов, 2026

© Михаил Станиславович Акимов, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-4731-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово берёт оператор

*«Оператор — человек с выдержкой»
(по мнению ИИ)*

Они редко пишут книги. И это очень жаль. Уже на вступительных экзаменах во ВГИК перед сочинением операторским абитуриентам рекомендуют писать покороче, чтобы наделать поменьше ошибок. Грамотными полагается быть сценаристам, режиссерам и киноведам. Операторы традиционно прикрываются пошловатой формулой «Оператор — не оратор». Между тем операторам всегда есть что рассказать. И часто гораздо больше, чем прочим участникам съёмочного процесса. Во всяком случае, операторам так называемого неигрового кино. Мы всегда работаем в самом центре событий и часто попадаем первыми во всякие переделки. Особенно в далеких командировках. Каких только историй я не наслушался от своих коллег в минуты дружеских посиделок. Почти всегда эти рассказы так и остаются весёлой устной болтовнёй. Мои коллеги никогда не упускают случая приукрасить свои похождения самыми невообразимыми выдумками. Конечно, в этом нет ничего предосудительного, и я всегда завидовал их способности сочинять увлекательные истории.

Дело в том, что я сам совершенно лишён фантазии. И поэтому для меня единственный способ собрать свою коллекцию операторских баек — реально участвовать в увлекательных, опасных и неожиданных приключениях. Потому я и выбрал для себя такую работу. За годы накопилось немало историй, к которым и прибавлять ничего не нужно. Попробуй такое придумать! Осталось только записать имевшие место события и вспомнить то драматичные, то забавные обстоятельства и переживания.

Не стреляйте в оператора. Он на работе

Три фальшивых альпиниста

Совсем ещё незнакомый город Бишкек принял нас в своё спокойное тепло. Мы прилетели в четверг вечером, в лёгкий дождичек. С тех пор мне часто приходилось бывать в Бишкеке, и теперь я знаю его современным городом с чуть излишне урбанистическим центром. Наверное, и в тогдашнем 1996-м в киргизской столице имелись высотные дома, но в моей памяти за изгородью лет виднеется тихая окраина среднеазиатского городка с арыками и дувалами.

Мы сидим в чайхане, такой, как она описана в узбекских сказках — именно из них я в детстве познавал загадочный Восток. Высокое могучее дерево, дающее прохладную шевелящуюся тень, прикрывает тихую заводь никуда не спешащей безымянной речушки. Над водой, чуть её не касаясь, настелен широкий помост из гладких прочных досочек. Сквозь них нас поглаживает речная прохлада. Впрочем, не так уж жарко, время тёплого восточного вечера. Солнце ещё путается в нижних ветвях дерева, которое, естественно, не просто дерево, а чинара, неперменная героиня среднеазиатского фольклора. Под чинарой и чай пьют, и дела обделывают. Так и мы. Днём мы бегали по городу, искали нужных людей. Нашли, и теперь эти люди сидят в чайхане под чинарой и угощают нас спелым и даже каким-то чрезмерным арбузом.

Мы готовимся написать первую страничку нашего приключения и начать его, как принято, с предисловия. За низеньким столиком с чайными сладостями, арбузом и своевременным ужином сидит приятный местный человек со всей его семьёй. Он хозяин небольшой туристической фирмы. Хотя мы и журналисты, нас мало интересует турбизнес Киргизии. Нам надо с помощью нашего нового друга юридически оформить нашу компанию. Нас трое, и мы направляемся в Таджикистан, в страну, где её граждане, взяв в руки оружие, упрямо палят друг в

друга, уверенные, что каждый из них бьётся за правое дело. Гражданская война у них. Значит, с порядком и законностью на этой территории совсем не ладно.

Встретят нас там, к примеру, незнакомые тревожные люди — у них естественный вопрос: кто мы такие? Ладно, если это просто разговор со случайным прохожим, тут достаточно одного умения расположить к себе. А вот если на дороге стоит блокпост со шлагбаумом, и в будке усталые военные с автоматами на плече? Хорошо подвешенный язык, конечно, тоже пригодится, но тут этого явно маловато. На посту люди официальные. Чью бы сторону они не считали правильной, мы им должны предъявить какой-нибудь добрый документ. Паспорт? Ну что паспорт! Ну имя, возраст, прописка, это им зачем? Наверняка им захочется подробностей. Например, на каком основании мы бродим в этой местности, чего ищем и каковы наши полномочия. Какой у нас имеется мандат? Уж не помню, были у нас от НТВ командировочные удостоверения или нет, но показывать любопытным вооружённым людям свои журналистские корочки в такой ситуации скорее опасно, чем полезно. В таком остром военном бульоне журналист — наивнейшее прикрытие для людей совсем другой профессии. На войне таких ребят ласково приобнимают за плечо, отводят за бугорок и тихонько пускают в расход. Недосуг военным разбираться на чью разведку эти журналисты работают. Несмотря на смелость и туманность наших планов, мы на полном серьёзе надеялись такой скорбный бугорок миновать.

Здесь, под чинарой, мы за рюмкой чая отмечали получение на руки нашего «пропуска на войну». Кому-то в голову пришла идея получить такой пропуск в туристической фирме. В нашей бумаге написано, что группа альпинистов из трёх человек отправляется в турпоход в горы Памира. Я горы люблю и в такой поход с радостью готов отправиться совершенно всерьёз, а вот мои коллеги точно никогда не мечтали карабкаться по горным склонам. Но на этот раз нам придётся топтать в одной связке. Попасть в зону боевых действий с такой легендой остроумно, дерзко. Но это опасная игра с высоким уровнем неопределённости. Хороши альпинисты, у которых из специального снаряжения лишь три рюкзака и три спальника! И зачем им комплект профессиональной видеоаппаратуры? Наш благодетель из киргизской турфирмы, конечно, догадывается, что мы не собираемся покорять снежные вершины, но подробностей нашей миссии не знает ни он, ни мы сами. На этом его участие в нашей затее заканчивается. Спасибо ему за его безответственный поступок! Благодаря ему мы обрели статус, сделали первый шаг и готовы теперь ввязаться в бой и сориентироваться уже на месте.

В чайхане над водным затоном так и тянет сочинить ещё одну восточную сказку. Сюжета у нас ещё нет, зато её персонажи обретают вполне определённые черты. В этой сказке я становлюсь скромным учителем, Лена Масюк оказывается библиотечным работником, а Андрюха Шушков — студентом неизвестно какого института. Нет больше под чинарой трёх журналистов из НТВ. Маски розданы, занавес готов подняться. Представление начинается.

Осмотр на месте

У нас в карманах билеты на рейс местного самолёта по маршруту Бишкек — Ош. Больше в Бишкеке у нас дел нет. Нам надо подобраться поближе к границе с Таджикистаном. Мы перелетаем роскошные хребты, отделяющие столицу от Оша. Летать на маленьком самолёте — особое удовольствие, макушки гор и долины между ними проплывают совсем рядом, как будто шагаешь над ними в сапогах-сорокоходах. Хорошо, но мало: меньше чем через час мы приземляемся в городе, откуда начинается знаменитая дорога Ош — Хорог. Отсюда до границы рукой подать. В Оше надо основательно подготовиться и собраться с мыслями. Собраться — это понятно, а вот к чему готовиться и где соломки подстелить совсем не ясно.

Город лежит на совершенно плоской равнине, сотни маленьких домиков рассыпаны по ней мелкими кубиками насколько хватает глаз. Над городом возвышается единственная одиночная гора Сулейман-Тоо. На её макушке в мечети обосновалась величайшая мусульманская святыня. Такой плоский камень, на котором отпечатались следы от колен и лба, молившегося здесь то ли царя Соломона, то ли самого пророка Магомета. Самые легковверные говорят, что именно отсюда Аллах забрал пророка на небеса. Но это не точно. Да и не важно. Лишь бы вера помогала жить достойно. Учитывая, что впереди у нас путешествие по правотверной мусульманской стране, заручиться поддержкой высших сил совершенно не лишнее. Нам всякая помощь сгодится. Так что мы к святыне прикоснулись. Спустившись с сакральных высот пришлось вернуться к насущным земным заботам. Главное — нам надо найти крепкую машину с надёжным водителем для отчаянного марш-броска до самого Хорога.

Название трассы Ош-Хорог для меня не пустой звук. В советские времена по этому маршруту опытные велосипедисты нашей страны пускались во все тяжкие. Дорога с неплохим покрытием, не просёлок какой-нибудь, но прелесть её в том, что она плавно поднимается в заоблачное высокогорье выше четырёх с половиной тысяч метров. Да и расстояние в семьсот километров на велосипеде — достойное основание получить за такой пробег полноценный спортивный разряд. Где-то в туманных мечтах я и сам хотел прокатиться этой дорожкой на двух колёсах. Но Союз разорвали на куски новые границы, а уж нешуточные волнения в соседних странах, казалось, окончательно поставили крест на этих планах. И вот я стою обеими ногами на стартовой линейке того самого маршрута. Только вряд ли, если мы его пройдем, мы станем мастерами спорта.

Кто ищет — тот всегда найдёт. Не проходит и дня, как мы обнаруживаем в обшарпанном гараже на окраине города скромный местный УАЗик. Тихий немногословный киргиз Касым, хозяин этого издавшего виды механизма, готов доставить нас по назначению. Нет ему дела до опасностей в пути — он получил счастливый шанс заработать, например, тысячу долларов за несколько дней обычной, хоть и напряжённой, шофёрской работы. Такая сумма могла привидеться застенчивому работяге только в самых смелых касымовых снах.

Вряд ли нам придётся встретить на трассе весёленькие, мигающие рекламой бензоколонки и гостеприимные мастерские, где добродушные механики бросятся ремонтировать наш экипаж в случае поломки. Поэтому целый день наш Касым не выходит из своего гаража, колдует, а может быть молится, склонившись над внутренностями своего верного ослика. В дороге от его бодрости будет зависеть не только успех нашего предприятия, но и заработок хозяина четырёхколёсной скотинки. Держим за них обоих кулачки!

Мы в это время с размахом используем последние дни сытой колоритной восточной жизни. Ошский базар бурлит, соблазняя нас гастрономическими излишествами на каждом шагу. Осень — время сбора урожая. Может быть зимой нам было бы легче избежать бесчисленных искушений возле местных обильных прилавков. Вокруг ключом бьёт мирная жизнь, а мы уже прислушиваемся к грохоту далёких боевых барабанов. Впрочем, пока происходящее напоминает экзотический отпуск в компании старых друзей.

Не очень понятно, как мы так скоро успели стать старыми друзьями. Наше трио возникло спонтанно и в высшей степени случайно. Совсем недавно мы почти не были знакомы. В конторе незадолго до вылета меня вызвали в координацию и спросили, как я отношусь к командировке в Таджикистан с корреспондентом Леной Масюк. Когда я вернулся в операторский отдел и рассказал коллегам о предложении, на меня посмотрели как на приговорённого к смерти. С Леной Масюк я не работал и даже не виделся с ней ни разу, но не слышать о ней я, конечно, не мог.

Уже тогда Лена прославилась как дерзкий и удачливый военный корреспондент. Медийная звезда чеченской войны. Интервью с террористом Басаевым и прочие журналистские подвиги. В операторском цеху Лена слыла опасной, вечно лезущей на рожон скандальной дамой с невыносимым характером. Список операторов, мечтающих с ней работать, не содержал ни одной фамилии. Того, кто ехал с ней на съёмку, провожали грустными, сочувствующими взглядами. В глазах моих коллег в тот день я будто получил от providения «чёрную метку». Прежде чем дать согласие на совместную работу, я попросил устроить нам встречу.

Я стоял в коридоре студии, а ко мне уверенным шагом приближалась высокая крупная девушка, бескомпромиссная брюнетка с ярким макияжем и лучезарно улыбалась. Познакомились. Странный, то низкий, то прыгающий до фальцета, резкий голос и безудержное веселье в каждой фразе. И спрашивает: Ты готов ехать? Тут я задал вопрос, которым горжусь до сих пор. По правде сказать, это первое, что пришло в голову. «Нас там кто-нибудь любит?» Пожалуй, это прозвучало достаточно странно. Она рассмеялась от неожиданности и сказала «Да». Так я понял, что у нас там есть хоть какие-то друзья, что бы это ни значило, и они будут на нашей стороне в случае чего. Кроме того Лена произвела на меня вполне благоприятное впечатление. С такими картами можно было ввязаться в игру. Я и ввязался. Операторский отдел, узнав о моём согласии, встретил меня чуть ли не аплодисментами.

Нам нужен был ещё звукооператор, он же помощник на все случаи жизни, так называемый «мой второй номер». В Чечню со мной ездил отличный парень Макс Мамиев, кумык из Дагестана, настоящий надёжный напарник, бесстрашный джигит, умный и рассудительный. Но он в тот момент уехал в командировку с другой группой. Координация предложила Андрея Шушкова. Не помню, работали мы с ним раньше вместе или нет, в командировки точно не ездили. Но в отделе, конечно, частенько сидели рядом в ожидании вызова на съёмки. Андрюха был юным высоким крепышом с круглой головой и ярко-красными щеками. Ещё он был смешливым весельчаком, компанейским, добрым и заметно безалаберным. Андрюха, с его отчаянным желанием продемонстрировать всем свою удаль, не мог отказаться от авантюры, в которую грозила вылиться наша нечаянная командировка. Когда мы прилетели в Бишкек и заселились в гостиницу, усталые разошлись по номерам. Минут через десять я вспомнил, что оставил у Шушкова что-то важное из моих вещей. Распахнул дверь его номера и столкнулся прямо в дверях с юной симпатичной киргизкой. Андрюха с заговорщицким видом стягивал с себя штаны и многозначительно улыбался. Было ясно, что у него появились ещё кое-какие планы кроме освежающего сна. Усталости его как не бывало. В Бишкеке он был впервые, и глупо было предполагать, что Андрюху посетила старая знакомая. Пока это всё, что надо знать о моём «втором номере».

Очень быстро мы, что называется, спелись и готовы были броситься очертя голову в поток несущихся нам навстречу событий. Мы объединились на позитивном отношении ко всяким невзгодам. С самого знакомства мы взялись подшучивать друг над другом, сочинять игру, в которой не было места унынию. Жанр нашего общения укладывался в законы водевиля с элементами чёрной комедии. Участвовать в такой пьесе было весело и уютно. Только вот текст актёрам не раздали заранее, и мы с удовольствием на ходу сочиняли и импровизировали. Перед отправлением мы прошли по супермаркету, запаслись кое-какой провизией. Как было не прикупить в дорогу капельку крепкого алкоголя, зная, что мусульмане не слишком одобряют употребление спиртного! Этот стратегический запас угнезвился в недрах наших рюкзаков. Мы справедливо полагали, что впереди у нас масса поводов для стресса, а бороться с ним мы все дружно предпочитали традиционным методом.

Для начала — просто Памир!

Наконец-то настало утро старта, мы загрузились в УАЗик и покинули город Ош. За окном замелькали киргизские посёлки-просёлки, огороды, фруктовые деревья и пирамидальные тополя. Наша машина комфортом не блистала, но мы радовались тому, что всё пока идёт по плану, что дорога бежит под колёсами и что семьсот километров пути потихоньку тают под палящим южным солнцем.

Впереди нас ждал пограничный пост на границе с Таджикистаном. Пограничники и таможенники без особого любопытства полистали наши паспорта и совсем не удивились тому, что группа странных альпинистов отправляется в страну, которую уже несколько лет лихорадит гражданская война. Главная головная боль этих ребят в форме — наркотики. Говорят, что частенько запретный груз упаковывают даже в колёса автомобилей. Тогда проверка занимает долгие часы и доставляет честным автовладельцам уйму хлопот. Но наркотрафик обычно направлен в противоположную сторону, поэтому мы быстренько проходим формальности и едем дальше.

Дорога теперь тянется в безлюдных местах, вьётся среди пологих безлесных холмов, постепенно спускается на просторную равнину. Это самое начало знаменитой Ферганской долины. Её плодородная часть начинается ниже, там где она очень плотно заселена и кормит своими плодами большую часть всей Средней Азии. Здесь же местность пустынная, никакого жилья, и нам её надо пересечь. За спиной у нас остаётся невысокое нагорье, зато прямо перед нами открывается роскошная панорама самого настоящего Памира. Это уже серьёзно. Не просто высокие снежные вершины, а стена хребта Академии Наук с самой высокой вершиной бывшего Советского Союза — Пиком Коммунизма. Теперь пик переназвали именем некоего Исмоила Сомони — знать бы хоть, кто это такой, — по мне, так старое название гораздо больше шло пику высотой в семь с половиной километров. Будь мы настоящими альпинистами — эта горка стала бы достойной целью для восхождения. Туда взбирались только самые крутые «снежные барсы». Эта вершина манила одержимых не только высотой, но и предельной технической сложностью восхождения даже для самых подготовленных профессионалов.

Но мы — профессионалы совсем в другой области, поэтому оставляем вершины любителям победы над собой и начинаем плавный подъём по шоссе к перевалам, ведущим в далёкий Хорог. Отличная проверка для ходовых качеств нашего терпеливого козлика. Дорога проложена очень грамотно, крутые подъёмы можно пересчитать по пальцам, в остальном же — непрерывный тягучий путь вверх. Теперь снежные вершины с трассы не проглядываются, их прикрывают окрестные предгорья.

Через несколько часов мы забрались достаточно высоко, и вот перед нами первый блокпост. Тормозим у шлагбаума. Блокпосты — типичный признак страны, где вооружённые люди правят бал. Их задача теперь определять путников по признаку «свой-чужой». Наша задача — максимум убедить военных, что мы хотя бы не враги. Наша техника преодоления таких препятствий складывается из двух частей. Не зря же мы оформили в Киргизии наш высокогорный тур! Аккуратно предъявляем нашу удивительную бумагу. Воины её листают, читают с очевидным недоумением. Этого хватает лишь для начала разговора, уж очень светлыми нитками сшита наша легенда. Нельзя забывать, что на посту дежурит несколько бойцов, целыми днями скучающих в уединённом домике без особого контроля со стороны начальства. У нас есть кое-что, способное сгладить их унылое существование в этом забытом Аллахом уголке. Например, блок сигарет. Так мы переходим ко второй части нашей тактики. Можно ли назвать это взяткой или подкупом? Как сказать. Тут не произносят таких слов. Просто мы очень быстро и очень ненадолго становимся добрыми друзьями с этими растерянными и усталыми стражами гор.

Шлагбаум поднимается, а заметно подобревшие вояки с автоматами на плечах чуть заметно помахивают руками, желая нам хорошей дороги.

Мы продвигаемся вперёд. Слева тянутся столбы с колючей проволокой, обозначающие границу с Китаем. Теперь снег покрывает не только окрестные горы, но и полотно Памирского тракта под колёсами нашей машины. В багажник УАЗика загружено несколько запас-

ных канистр с бензином. Напомню, что в нашей поездке мы рассчитываем только на собственные резервы. В кабине постепенно распространяется аромат душистого киргизского горючего. С набором высоты становится всё прохладнее, и открывать окна, чтобы проветрить салон, совсем не хочется. Между тем день клонится к закату, а мы поднимаемся на перевалы с отметками в четыре тысячи метров. Закат в горах в привычном смысле слова отсутствует. Солнце скрывается за грядками хребтов, и очень быстро наступает темнота. Мы уже не можем наслаждаться красотой снежных вершин Памира, видим только пятна от фар на занесённой снегом дороге. Наш трудолюбивый Касым целый день крутит баранку по трассе, меньше всего годящейся для увеселительной прогулки. Бесконечные повороты и подъёмы-спуски совершенно его измотали.

Пора становиться на ночёвку. Совсем прохладно. Где там вчерашняя жаркая золотая осень опского базара? За один день мы махнули с уровня равнины на те самые четыре тысячи метров. Правила горного туризма при таком рывке предписывают для нас, изнеженных москвичей, пару дней высотной акклиматизации. На Кавказе я когда-то испытывал на себе резкие прыжки на четыре километра с ночёвкой на этой высоте. Тогда я убедился, что организм реагирует на такой эксперимент всегда одинаково: медленным взрывом мозга. В таких условиях, право, легче уснуть стоя на голове. Кроме того наша первая памирская ночёвка полна парами бензина, от которых голова начинает дополнительно потрескивать. Опять же, кабина УАЗика совсем не похожа на четырёхместные гостиничные апартаменты с удобными просторными кроватями. При заглушенном двигателе температура внутри стремительно приближается к забортной, а работающий мотор каким-то образом вместе с теплом добавляет в салон малую толику выхлопных газов. Совсем чуть-чуть. Поэтому прогревать машину приходится только тогда, когда мороз становится нестерпимым. Так мы, скрючившись на сиденьях, пытаемся заснуть сквозь треск в голове, проводим беспокойную ночь.

На рассвете разминаем ноги, прокачиваем лёгкие морозным горным воздухом и продолжаем наш автопробег. С новым днём откуда-то берутся новые силы. Коллеги в движении дремлют, добирая недополученное за ночь. Я же в машине редко сплю, предпочитая глазеть в окно. Когда я ещё побываю в этих местах! Солнце начинает пригревать, дорога показывает хребты с каждым поворотом с нового ракурса, и никогда не бывает скучно. Долгие километры не видно никаких признаков присутствия человека. На трассе всего несколько посёлков. Самым интересным мне показался Каракуль. Несколько десятков простых прямоугольных домиков, ни одного дерева. Но самое удивительное — рядом с посёлком знаменитое озеро Каракуль. Озеро самое большое в Таджикистане, чистая солёная вода, твёрдый берег, покрытый солончаками. Знаменито оно тем, что в нём не живёт никакая рыба, и никто не знает почему. Ведь в окрестных речках рыбы достаточно. Горные озёра всегда отлично смотрятся, идеально вписываясь в оправу заснеженных хребтов. Каракуль не исключение. К сожалению, времени насладиться пейзажами у нас нет. Зато на окраине посёлка стоит очередной блокпост, очередное препятствие на нашем пути. Очередные переговоры и очередные подарки для умеренно стоворчивых стражей порядка. Пока у нас всё получается. И хотя мы не знаем, что нас точно ожидает впереди, о некоторых планах нашего журналистского расследования и связанных с ним обстоятельствах надо рассказать.

К середине девяностых канал НТВ стал лидером телевизионной журналистики. Главным принципом работы корреспондентов стало стремление освещать конфликты, исследуя позиции всех противоборствующих сторон. В Чечне мы работали не только с российскими военными, но и с боевиками, стараясь понять мотивы их действий. Хотелось снимать правдивые репортажи с обеих сторон. Чеченские оппозиционеры смотрели наши новости и знали, что НТВ говорит правду и о них. Поэтому нам доверяли не только на позициях российских воинов,

но и в стане врага. Нам позволяли общаться с руководителями боевиков, снимать в их лагерях, разбираться в сложностях взаимоотношений, конфликтах внутри их группировок. Остальные телевизионные каналы на ту сторону не допускались, чеченцы считали их «проправительственными». За нами же постепенно закрепились репутация «честного» канала. Наши корреспонденты соревновались между собой в дерзости. Хорошим тоном считалось вскрыть тайны, которые власть предпочла бы скрыть. Чемпионом в этом соревновании была Лена Масюк. Мы ехали в Хорог, чтобы работать в стане моджахедов, воюющих против правительственных сил Таджикистана. Россия поддерживает официальное правительство Душанбе. Получалось, что и мы некоторым образом оказывались в оппозиции к своему правительству. Отсюда следует, что ФСБ была не в восторге от поездки такой яростной фигуры как Лена, в логово таджикских боевиков. И, конечно, «контора» знала маршрут наших передвижений. Здесь наша южная прогулка начинала походить на настоящий шпионский боевик.

Тем временем мы подъехали к городу Мургаб. Про это место ходит дурная слава. Гиблое место. Голое, ни травинки, продуваемое всеми ветрами. От такой отчаянной территории неуловимо веет криминалом. Те же серые домики, что в Каракуле, но почему-то гораздо более зловеющие и совершенно безжизненные. И, конечно, новый пост. Мы постепенно вникаем в сложное сплетение интересов разных людей, разных группировок. Пьеса под названием «Восток — дело тонкое». Наши запасы ништяков, вкусняшек, облегчающих проход через всяческие препоны, начали истощаться. Но мы уже научились говорить правильные слова, правильно вести себя, давать правильные ответы на сложные вопросы. Едем дальше.

Хорог, Пяндж, Ванч. Что дальше?

До нашего пункта назначения осталось совсем недалеко. Скоро начали попадаться деревушки, скорее пригороды Хорога и редкие деревья, кое-где собирающиеся в маленькие рощицы. Появились на дороге и машины, даже грузовики. Незнакомая жизнь, притаившаяся вокруг загадочного, труднодоступного города, приближалась. Наконец мы спустились в долину легендарной реки Пяндж. На противоположном берегу Пянджа виднелся Афганистан. Вот мы и въехали в настоящий город. Улицы Хорога ведут прямо к берегу Пянджа. Здесь в реку впадают ещё две небольшие речки, через которые перекинuty живописные мостики. Неплохо было бы погулять по улицам города, но ясно, что здесь не место и не время для туризма. Внимательно осмотреть Хорог нам так и не придётся.

В городе живёт обособленная общность таджиков, традиционно противопоставляющая себя центральной власти страны. Пока мы совершенно не представляем себе расклад сил, кто здесь с кем и кто против кого. Для нас всё впереди. По каким-то, одной Лене известным признакам, находим людей, которые оповещены о нашем визите. Нас принимают в просторном усадебном доме.

Наш водитель Касым выполнил свою роль и отправился в обратный путь на нашей машинке. Получив свой гонорар, он расстался с нами усталым, но довольным. Теперь мы попали к тем людям, о которых говорила Лена в коридоре НТВ. К тем самым, которые нас любят. Встретили нас по восточному гостеприимно. Кормили и улыбались. У Лены с собой было припасено письмо от лидера таджикских оппозиционеров Туранджонзода, живущего за границей. Она получила бумагу от него лично, когда работала по заданию редакции в Иране. Это была наша верительная грамота, настоящий мандат, серьёзно подтверждающий наши полномочия. Теперь мы наладили отношения с таджикскими моджахедами и потихоньку начали, если не участвовать в гражданской войне, то присутствовать на ней. На той войне, что называлась недавно войной «юрчиков» и «вовчиков». Журналисты не носят оружия и не воюют на поле боя. Они вообще не имеют права вставать на одну из сторон конфликта. Но, чтобы выполнить свою работу, они, то есть теперь мы, вынуждены войти в доверие к людям, которые станут героями наших репортажей.

Мы постепенно знакомимся с персонажами нашего расследования. Деловая, яркая журналистка Лена и её приятели, коллеги, то есть мы с Андрюхой, стали в новом богатом доме добрыми гостями. Никакие обстоятельства не мешают проявлению великолепного восточного гостеприимства. Мы с удовольствием лакомились пловом, салатами из свежих овощей и чаем со сладостями.

У меня с давних времён сложилась привычка вести в командировках и путешествиях незатейливые записки, дневники. Чтобы со временем яркие детали и события не забывались. Я давно увлёкся этим странным занятием. Готов был и на этот раз помогать своей памяти привычными блокнотными почеркушками. Но в этой командировке ситуация была совершенно особенной. Мои тетрадки, если бы они попали в руки ФСБ, раскрыли бы подробности наших полуофициальных походов, которые органы безопасности обязательно посчитали бы не вполне законными. Ведь мы вступали в прямой контакт с людьми, воюющими с дружеским таджикским правительством. Мы договорились никаких дневников не вести, Лена это строго-настрого запретила. Поэтому многие детали улетучились из моей памяти, в частности имена многих участников происходивших событий. Хозяин дома, где нас так радушно приняли, представился бригадным генералом армии повстанцев, допустим, Саламом. Именно он ждал нашего прибытия и нашего журналистского содействия. В этой стране бригадных генералов водилось гораздо больше, чем уместилось бы здесь бригад.

Потянулись долгие разговоры Лены с Саламом и с другими боевыми командирами, половина из которых, естественно, представлялись бригадными генералами. Я сидел в уголке, в стороне и записывал на камеру длиннющие тексты, в суть которых не очень-то вникал. Речь шла о незнакомых людях, о непонятных делах, о сложных перипетиях с возвращением пленных и о многом другом. Вечерами я чуть не засыпал за камерой.

Время тянулось, а наши планы совершенно не прояснялись. В городе снимать было нечего, понятно стало, что нам надо двигаться дальше, туда, где погорячей. Хозяева долго, тихо подготавливались к чему-то нам совершенно непонятному. Командиры казались совсем не похожими на боевиков, днём они играли в футбол, оказывали Лене знаки внимания, с уважением, как настоящие джигиты. Гулять по городу была опасно, нас не выпускали за пределы усадьбы. В доме постоянно находилось много людей, но оружия у них заметно не было. Выяснилось, что в Хороге и во всех окрестностях странным образом сосуществовали сторонники правительства и их противники, причём первые явно сочувствовали вторым.

Наконец дело сдвинулось с мёртвой точки. Нам велели готовиться к переезду дальше в горы. Никаких подробностей так и не появилось. Похоже, джигиты и сами не имели никакого точного плана действий. Мы загрузили свои рюкзаки, аппаратуру и выдвинулись в село Ванч, находящееся в ста семидесяти километрах от Хорога.

Не успели мы выехать из города, нам показали разрушенные дома на другой стороне Пянджа, на территории уже Афганистана и пояснили что это следы бомбёжки, с которой прошло всего несколько дней. Разбираться, кто бомбил, и зачем, бессмысленно, это была просто очередная краска в ландшафте воюющей страны.

Дорога между тем бежит прямо по берегу реки, которая служит границей между двумя странами на протяжении многих километров. Популярная тема разговора — доставка наркотиков на эту сторону из Афганистана, где их производят в промышленных масштабах. Так вот, один из коротких путей для контрабанды — прямо через эту водную границу. Путь-то короткий, но совсем непростой. Вода несётся по руслу бешеным потоком, и представить, что его можно пересечь без риска для жизни, совершенно невозможно. Я всматриваюсь в безлюдные лесистые афганские склоны. Вдруг там на берегу притаился дерзкий наркокурьер с мешком травы! Ни домов, ни людей не видно. Где-то в этих местах повыше нашей дороги спряталась застава российских пограничников. Они тоже присматривают за рекой. Ждут смелых ребят с той стороны. Однако в наши планы не входит визит к нашим соотечественникам. Не стоит усложнять наше и так неопределённое положение.

Часа через два мы пересекаем приток Пянжа и теперь уже едем вдоль реки по имени Ванч. Дорога забирается снова повыше, и к обеду мы прибываем в большое село на отметке высоты в 1700 метров. Наш бригадный генерал остался в Хороге, но в Ванче живут его подчинённые, так что наши сопровождающие быстренько рассказали местным, какие мы важные персоны. Новые хозяева быстренько собирают обед, который проходит, как говорится, в тёплой дружеской обстановке. А после начинается долгое ожидание. Мы сидим в комнате, а за её стенами готовится продолжение нашей миссии. Странно только, что мы очень смутно представляем в чём конкретно она состоит. Мы бездельничаем, бродим немного по деревне. До поры до времени мы знаем только то, что нам желательно попасть туда, где идёт настоящая война, что бы это ни значило. Тем, как организовать переход, определить детали операции, долго и незаметно для нас занимаются люди, которые, мы надеемся, что-то в этом понимают.

Проходит день-другой в неизвестности. Хуже нет, чем ждать и догонять. Мы втроём за прошедшие дни много нового узнали друг о друге. Ровно столько, сколько можно узнать сидя в четырёх стенах и болтая обо всём на свете. Андрюха с удовольствием напаялил шутовской колпак, острил без устали, я осваивал роль комического старичка, старался не отставать по части мрачного юмора. Оказалось, что Шушков смотрел много старого кино, и мы с ним напропалую цитировали фильмы, подхватывая фразы друг за другом. Мало что так сближает, чем подобная игра. Лена кино не знала совсем, зато на прочие шуточки реагировала правильно, хохотала от души. Мы подкалывали друг друга, часто не так уж безобидно. Накапливался ворох хохм, понятных только нам троим. А что нам оставалось? Скучать? Дуться как мышь на крупу? За шуткой да прибауткой мы оттачивали взаимопонимание и учились доверять друг другу.

Перевал по имени Шерготал

Наши новые знакомые так долго темнили и секретничали при подготовке нашей миссии, что мы начали терять терпение. Но если задача командирами поставлена, её всё-таки надо решить. Наконец настал тот час, когда нас ознакомили со сценарием, в котором нам отведены главные роли. Мы полагали, что готовы к любому повороту нашей судьбы, но когда таджикские стратеги изложили суть операции, нам стало немного не по себе. Видно пришло время по-настоящему соответствовать нашим шутейным альпинистским путёвкам! Наша цель — зона боевых действий, — находилась за высокими горами, как в сказке. Нам в голову не приходило, что преодолеть эти совсем не сказочные, а реальные горы придётся самым естественным способом — пешком. Согласиться с таким исходом было непросто, по правде сказать, мы совершенно растерялись. Но других вариантов судьба нам не приготовила. Выбирать не приходилось.

Есть на Памире такая река — Обихингоу. Для отчаянных советских туристов-водников это название звучало примерно как Эверест для альпинистов. Речка из самой высшей лиги, бешенная и кровожадная. Многих смелых забрала она в свои воды. Утекли в прошлые спортивные годы, настали времена боевые. Теперь военные столкновения приносят новые жертвы на берега легендарной реки. С началом военного конфликта долина Обихингоу стала вотчиной таджикских моджахедов и оказалась отрезанной от внешнего мира. Лишь одна тоненькая ниточка протянулась к повстанцам с «большой земли». Существовал секретный перевал, ведущий из этого «затерянного мира» в сторону города Гарм. По нему пробирались крошечные караваны с грузами более-менее регулярно. Но этот путь лежал за хребтами и вёл совсем в другую сторону.

В Ванче нас познакомили с мрачным бородачом по имени Аслам. Сначала мы решили, что он плохо знает русский язык, но оказалось, что и на родном он весьма немногословен. Скромный, даже застенчивый, удивительно обаятельный герой. Тихий любимец всей округи, и уважать его было за что. Он протоптал ещё одну тропинку из загадочной уединённой долины на волю, и это был настоящий подвиг. Аслам отлично знал окрестные горы и для перехода из Ванча до Обихингоу разведаль новый перевал. Дорога эта зимой завалена глубоким снегом, а вокруг тогда бродили отряды правительственных войск. Аслам несколько дней продвигался, копая в снегу нору, потайную червоточину, чтобы остаться незамеченным. С тех пор по этому переходу, который называли перевалом Шерготал, ходят группы повстанцев, обеспечивая связь с гарнизоном долины.

Так вот. Нам настойчиво предложили повторить переход Аслама. На дворе осень, и снега на перевале должно быть немного. К тому же враги сейчас редко встречаются в местах перехода. Однако, перевал есть перевал: очень долго вверх. Пришлось окончательно смириться с мыслью, что другого пути в долину Обихингоу нет.

У нас за эти дни появилось много новых знакомых. Хотелось подробнее узнать, что нас ждёт в пути. Мы тормозим парня, который ходил этим маршрутом. Даврон, хоть и выглядит серьёзным, на самом деле забавный увалень, наивный и непосредственно реагирующий на происходящее. Спрашиваем, что там наверху за перевалом? Наш друг Даврон уморительно таращит глаза, растопыривает руки и произносит: Там два ледника, один бе-е-елий — пугающе растягивает слова, — другой — чо-о-орний! Но нам троим совсем не страшно. Так комично звучат его слова, что мы хохочем, и его великолепная фраза входит в свод наших любимых шуток-цитат.

Вопрос о нашем переходе решён. Мы собираемся. Большую камеру брать с собой нет никакого смысла, она тяжёлая, и в долине невозможно зарядить аккумуляторы для неё. Упако-

ываем её и прячем в укромном уголке в доме, где мы жили. Здесь наш Бетакам хотя бы будет в целостности-сохранности, да и рюкзак за спиной полегчает. Теперь наше единственное журналистское оружие, кроме таланта Лены, маленькая любительская камера с аккумуляторами на несколько часов. Придётся экономить заряд и снимать только самое важное.

Нас подвозят в соседнюю деревню на машине. Здесь начинается тропа, ведущая вверх. Оказывается, что мы начинаем подъём с целой толпой серьёзных мужиков. Они идут налегке, если не считать автоматов у некоторых из них. Мы с Андрюхой несём полновесные рюкзаки, у Лены небольшой зелёный городской рюкзачок. Известно, что половина сопровождающих вернётся назад, как только мы достигнем перевала. Дальше с нами пойдёт лишь небольшая группа, главным проводником станет сам Аслам. Кого можно найти лучше на эту роль!

Поначалу тропа тянется по относительно пологим склонам. Всё ещё похоже на лёгкую прогулку выходного дня. Наши ноши переходят на спины усердных помощников. Несут по очереди, облегчая нам первые самостоятельные шаги вверх по Памиру. Скоро домики скрываются из виду. Вокруг голые склоны с чахлой травой. Снегом даже не пахнет. Не верится, что впереди нас ждут ледники — один белый, второй чёрный. Мы стараемся не отставать, не упасть в грязь лицом перед верными воинами ислама. Теперь мы идём налегке. Я, хоть и не альпинист, но в гору иду вполне привычно, успеваю вертеть головой и получать удовольствие от начавшегося похода. Андрюха моложе меня на целых 15 лет, силы у него хватает, щёки краснеют, и особой усталости не заметно. Труднее всего Лене. Она девушка крупная, и совсем неспортивная, держится на одном лишь упорстве и вере в то, что она самая крутая, не хуже наших таджикских попутчиков. Село Ванч осталось внизу, на высоте больше полутора километров. Добавляем к ним с каждым шагом метр за метром. После ночёвок на перевалах Памирского тракта дышится легко, акклиматизацию на высокогорье мы прошли к тому времени по всем правилам. Никаких карт у нас, конечно, нет, телефонов с навигаторами ещё не изобрели, да если бы они и были, вряд ли мы осмелились бы ими воспользоваться.

Пока мы жили в Хороге, нам рассказали, что о наших перемещениях отлично знают в службе Российской безопасности. Моджахеды откуда-то тоже знали о пристальном внимании, которое проявляют к действиям нашей группы сотрудники ФСБ. Разведка неплохо работает с обеих сторон. Называли даже фамилии должностных лиц, держащих чуткие пальцы на пульсе нашей команды. Они знали, что вход в Хорог один, один оттуда и выход. Никакой сложности не составляло «принять» нас на обратном пути, когда мы, сделав свою работу, двинемся в обратный путь по Памирскому тракту. Скорее всего, именно поэтому нас не особо беспокоили на постах, позволяли зайти в мышеловку, дверцы от которой, как им казалось, находятся под полным контролем спецслужб. Нас «вели» до самого Хорога, а когда мы оказались на территории оппозиционеров, наш след затерялся. Им оставалось только ждать нашего возвращения. Мы же в это время упорно шагали в совершенно другом направлении секретной моджахедской тропой.

Ритм нашего восхождения подчиняется классике, утвердившейся в горном туризме. Может быть наши проводники до войны тоже работали проводниками, только раньше они водили туристов, и с тех пор знают технику передвижения в горах весьма неплохо. После каждого часа ходьбы — обязательная остановка для передышки и вместо полноценного обеда — незатейливый перекус в середине дня. Особых разговоров в пути мы не ведём. С одной стороны говорить на ходу тяжело, с другой — над нами висел ореол тайны и неизвестности. Вояки остаются серьёзными, мрачноватыми. Они выглядят так, будто проводят опасную военную операцию. Впрочем, мы тоже начинаем так думать. К концу дня мы добрались до промежуточной базы боевиков. С тех пор, как Аслам разведал дорогу через горы, и по ней наладили регулярное движение боевых групп, на расстоянии дня пути от Ванча установили стационар-

ную армейскую брезентовую палатку. К сумеркам мы добрались до неё, тут же развели небольшой огонь и соорудили сытный ужин из деревенских припасов. Ночь обещала быть тёплой. Вся разношёрстная компания вповалку улеглась в палатке. Для двух десятков человек места хватило с трудом. Мы начали делить с моджахедами стол и кров. Лежать пришлось плечом к плечу. Нам теперь было не до смеха от усталости. Лена ворчала и начала поругиваться вполголоса.

Утром собирались недолго, быстренько закусили остатками ужина и продолжили подъём. Солнце светило по-южному, но грело уже скромнее. Тропинка задиралась всё круче. Долина внизу подёрнулась голубоватой дымкой. Мы подбирались к месту, где верхняя кромка склона упиралась в небо. Перед нами виднелся выход на перевал. Следующие несколько часов дались всем не просто. Шли медленнее и чаще останавливались на передышки. Наконец мы уткнулись в очень крутую обширную каменную осыпь, выше которой склон обрывался. Настал момент распрощаться с нашим сопровождением. Ребята выполнили свою работу. Теперь они должны вернуться, а с нами остаётся всего несколько человек во главе с Асламом. Они пойдут с нами до конца. Прощание с мрачными помощниками нельзя назвать душевным и долгим. Мы даже не пожали друг другу руки. Они просто повернулись и через минуту скрылись из глаз. Шестеро остались с нами. Нам предстояло как следует познакомиться совсем скоро. Пока это были просто пятеро молодых ребят и молчаливый Аслам.

Мы принялись карабкаться на почти вертикальную осыпь. Рюкзаки снова вернулись на наши с Андрюхой спины. Не сказать, чтобы стало легче. Осталась всего какая-нибудь сотня метров, но она далась нам чуть ли не тяжелее, чем весь прошлый подъём. Мы карабкались из последних сил, задыхаясь и скользя ногами по камням. Тропинка исчезла и перестала нам помогать. Дальше нас подталкивала лишь сила воли. Не знаю, сколько времени мы потратили на последний рывок, оно тянулось явно медленнее, чем указывали стрелки часов. Ну вот, последние метры осыпаются из-под наших ног, и мы переходим из одного, привычного мира, в новую действительность. Закончилось лето памирских предгорий. Прямо от края преодолённой вертикали начиналось бугристое горизонтальное поле с небольшим уклоном вперёд, покрытое белым ноздреватым льдом. Не сговариваясь, все покорители перевала расселись на камнях у самой кромки. Говорить совсем не хотелось отчасти от усталости, ну и от удивительного перехода в новое состояние. Эта реальность веяла на нас прохладой ледника и была окружена уже настоящими скалами, высящимися вдалеке. Стало похоже на слово «Памир». Уже потом я узнал, что в нескольких километрах справа находился знаменитый ледник Федченко, который советские гляциологи старательно изучали. А дальше виднелся тот самый Пик Коммунизма, который встречал нас в Ферганской долине, только теперь он обернулся к нам другой стороной. Я не смог удержаться от того, чтобы сделать несколько кадров. Даже репортаж о войне неვნредно украсить парой эффектных кадров мирных гор.

«Сначала — Бе-е-лий! Потом — чо-о-рний!»

Прошла уже большая половина дня. На льду стало заметно прохладнее, и мы утеплились, как могли. Аслам объявил, что с этого места начинается спуск с перевала. Влево и вперёд ледник слегка понижался. Туда мы и направились, взвалив на плечи рюкзаки. Под ногами хрустели лепестки фирнового льда. Такие формы образуются от смещения намёрзшего льда и снега, затвердевшего под воздействием солнца. Поверхность изъедена солнечными лучами, ноги чуть проваливаются и совсем не скользят. Скоро на склоне начинают попадаться глубокие трещины. Свежего снега нет, поэтому распадки хорошо видны, и неожиданно провалиться в трещину нам не грозит. Поначалу уклон ледника еле заметен и дальше он постепенно увеличивается. Но ледник оказался не слишком длинным. Через час-другой мы уже двигались у его нижней кромки. Теперь он стал совсем другим. Годами сползая вниз, он смешивался с камнями и превратился в грязное месиво. Тут мы поняли, что наш друг Даврон там, в Ванче именно про них говорил: «сначала б-е-е-лий, потом чо-о-рний!». Белый мы миновали. Теперь у нас под ногами простирался чёрный. Он тоже был невелик. Через несколько сот метров в основании ледяного потока появились небольшие лужи воды, покрытые гладким свежим ледком.

Наступили сумерки, надо было устраиваться на ночёвку. Мы оказались перед выбором: расположиться на неровном каменистом склоне, где невозможно отыскать ровное место хотя бы для одного спальника, или заночевать на плоском участке чёрного ледника. У наших таджикских друзей спальников не было, поэтому они легли среди камней — им на льду не сдюжить. Свернулись калачиками и забылись чутким моджахедским сном. Мы же выбрали ледник и в первый раз развернули свои спальники, раскатали коврики под открытым небом. К счастью ночь была достаточно тёплой, и, хотя под нами вместо тёплой кровати лежал край чёрного ледника, заснули почти без разговоров. Усталость — лучше снотворное, а его мы сегодня приняли лошадиную дозу.

Утренняя прохлада всё-таки разбудила нас раньше, чем нам хотелось бы. Остатки лепёшек на завтрак с чаем из ледниковой воды и желание покинуть природную морозильную камеру. Мы начали сползать с высоты трёх тысяч метров вместе с языком ледника, только гораздо быстрее, чем он. В конце концов на этой высоте летом для ледников уже тепловато. Царство вечных льдов простирается выше этого предела. Дворцы этого царства окаймляли своими белыми шпилями место, где под нашими ногами ледники истекали бойкими потоками, стремящимися поскорее соединиться с водами Обихингоу.

Наконец лёд закончился, и мы продолжили спускаться по каменистому руслу. Теперь по этому руслу струился небольшой ручеек, вытекающий из тающего ледяного хаоса. Идти вниз стало несравненно легче, и настроение наше заметно улучшилось. Щёки Андрюхи победно покраснелись, улыбка не сходила с его довольного лица. Я наслаждался видом, открывающим перед нами широкую долину реки Обихингоу, украшенную снежными хребтами там, где должен находиться горизонт. Труднее всех опять приходилось Лене, хотя её рюкзак переходил с одной свободной спины на другую. Ей было сложно удержаться на склоне в миниатюрных ботиночках какого-нибудь тридцать пятого размера. Она то и дело оскальзывалась и оступалась. Лишь уверенность, что мы неуклонно приближаемся к нашей цели, не давало ей упасть духом.

Мы вплотную подошли к берегу бурной реки. Настало время поближе познакомиться с нашими сопровождающими. Закончилась некоторая суэта и напряжение приключений на перевале. В этом сумбуре было не до разговоров. Теперь ритм замедлился. Мы все уселись над стремительным потоком на холме, покрытом мягкой травой. Хоть зря терять время нельзя, торопиться и суетиться тоже нет никакого резона. Пока всё зависит от нас. И от наших про-

водников. Кто эти люди? Аслам нравится нам всё больше своим спокойствием и тихой уверенностью в себе. Он держится особняком ото всех, даже сидит всегда в стороне с замершим взглядом мудреца и философа. Он старше всех, но каждый шаг его лёгок и точен. Кажется, он совсем не устаёт.

Ещё двое примерно одного возраста, лет по 25—28. Мы про себя называем их «студентами». Один высокий, светловолосый, с небольшой аккуратной бородкой, действительно похожий на интеллигентного студента-ботана. Учился в Питере в институте, где его дразнили за странное имя Кхамар. Он из тех, что безусловно имеют успех у девушек. Рассудительный, с ним приятно поговорить, в том числе и на отвлечённые мирные темы. Его ровесник, Саид, невысокий, тёмные приглаженные волосы, бородка скромная, не глупый но и не болтливый. Они постоянно держатся вместе.

Наконец ещё трое молодых парней лет по восемнадцать, один — brutальный качок с квадратной челюстью, второй — совсем мальчишка, щуплый, почти десятиклассник, третий пухленький, коренастый. Эти трое бороды ещё отращивают, получается только у «пухлого». У «школьника» щёки покрыты подростковым пушком, а «брутал» гол подбородком, будто бреется. Не удивлюсь, если их имён мы так и не узнали, а если и знали, не пользовались.

Ребята все серьёзные, не помню улыбок на их лицах. Они давно и сосредоточенно играют в войну. Нашей охране выдали один автомат, то ли на всякий случай, то ли просто для солидности. Молодые по очереди ходят с ним наперевес, соперничают за право таскать его на плече. Когда мы вышли к реке, ребята опасались встречи с правительственным патрулём, осматривались, держали автомат наготове. Всё тихо.

Наконец расположились на обед, можно сказать, устроили торжественный праздничный пир. Местная субординация диктует свои правила. На «пир» допущены только старшие. Мы распиваем последний походный вискарь и режем на тонкие кружочки свиную копчёную колбасу. Воинам джихада ислам разрешает на войне и то, и другое. Аслам, как истинный ортодокс, в нашем застолье не участвует. Разделяем трапезу со «студентами». Юные к столу не допущены. Наши попутчики из безликой моджахетской массы начинают обретать черты отдельных личностей. С ними нам предстоит пройти долгий путь.

Течёт река до-о-о-лго

Мы вышли к Обихингоу в самом её верховье. Совершенно не представляю, как сюда забрасывались туристы-водники в счастливые советские времена. Выше — только ледники и никакого жилья. Ниже по течению ближайшая деревня отсюда тоже не близко — в двух-трёх днях пути. Эти дни мы должны промерять своими ногами. Никакой тропы не видно, поэтому проводники сами выбирают, где идти. Река извивается, огибая неровности рельефа. Мы то спускаемся к воде, то двигаемся по склонам, пытаюсь сократить расстояние между нами и войной там, впереди. Мы безропотно следуем за нашими жожаками. Почти звериное чутьё ведёт их самым выгодным курсом, хотя вместо тропы нас часто направляет только русло реки. Мы сползаем вниз по течению. Спускаться приятнее, чем забираться вверх, но от этого не легче. Лена то и дело скользит на каменистых осыпях, ругается, но терпит. Мы с Андрюхой сами несём свои рюкзаки, и они изрядно портят нам жизнь. Мы начинаем осознавать, что время не терпит, поэтому стараемся как можем.

Между прочим, места, по которым мы вынужденно путешествуем, достойны внимания самых взыскательных туристов. Всё, ради чего самостоятельные путешественники пускаются во все тяжкие, окружает нас попутно прямо сейчас. Замечательный бонус, внушительное украшение нашего предприятия. Река то разбирается на несколько рукавов, то превращается в единый мощный поток. Долина расширяется, образуя обширные галечные отмели и косы, а спустя несколько поворотов, сжимается крутыми склонами, выбивая из потока пенные гребни и закручивая затейливые водовороты. Ну и, конечно, всё это в окружении великолепных памирских хребтов. Из нас троих, пожалуй, только меня радуют открывающиеся красоты. Лена совершенно равнодушна к природным прелестям, её волнует только работа, только повод доказать, что она самый крутой репортёр всея Руси. Для Андрюхи участие в авантюре важно само по себе, остальное — лишь бледный фон. Его, конечно, радуют пейзажи, но приключение будоражит гораздо сильнее. Для таджикских попутчиков окружающее привычно, как мебель в собственной обжитой квартире, можно безошибочно ходить хоть с выключенным светом.

Вечером мы останавливаемся на берегу ручья. Усталость сменяется почему-то безудержным весельем. Наверное, это реакция на стресс, на напряжение трудного дня. Каждое слово вызывает у нас приступы хохота. Не могу вспомнить ни одной шутки, но тогда мы, кажется, блистали остроумием. Шутили в основном друг над другом. Впрочем, состояние наше таково, что достаточно показать пальчик — и нас уже трясёт от смеха. Нервы. Нервы.

Холод ледника остаётся позади. Бойкая мутная вода в ручье совсем не похожа на родниковую, но течёт она с тающего льда, поэтому пить её мы не боимся. В Оше мы на всякий случай купили обычный бытовой фильтр для воды, решив, что наши рюкзаки такой полезный груз не утянет. Теперь настал его черёд. Но он фильтрует только от песка, и чай приходится заваривать в водичке совсем не кристальной чистоты. Серьёзной еды мы не готовим, да и не несём с собой особых запасов. Персональный паёк состоит из пары сдвоенных круглых печенек, двух пластинок фасованного сыра и двух кусочков копчёной колбасы, запитых чаем. Как ни странно, этого вполне хватает, и ни о каком голоде речь не идёт. Такая диета нас вполне устраивает. Наши охранники вообще обходятся лепёшками. Ночевать в спальнике на коврике под открытым небом становится делом вполне привычным и терпимым.

На другой день мы снова шли. Втянулись и выработали рациональный ритм движения. Наши воины высылали одного молодого с автоматом вперёд, на разведку, опасаясь засады или случайных врагов. Те двое, что постарше, шагали поближе к нам, помогали Лене и демонстрировали стойкий боевой дух. Аслан держался особняком, изредка твёрдым голосом негромко

по-таджикски давал указания «студентам», не опускаясь до общения с «мелюзгой». Субординация складно сочеталась с национальным традиционным укладом. Аслам был настоящим Дерсу Узалой нашего отряда. Фактически именно он был следопытом и давал направление — ближе к реке нам спуститься или гнуть тропу по склонам. Его слушались беспрекословно. Попадались притоки, впадающие в большую реку. Мелкие мы перешагивали, перепрыгивали, переходили по камням, но встречались и такие широкие и бурные, что через них когда-то были перекинuty мостики. Переправы эти большей частью были полуразрушены то ли стихией, то ли войной, приходилось карабкаться по шатким брёвнам, огромным валунам, упираясь в стремнину шестами и держась за обвисшие канаты. Тут главной задачей было переправить Лену, поскольку гимнастика и даже где-то акробатика, которыми нам приходилось заниматься, были максимально не близки ей ни по комплекции, ни по привычкам. Мы с Андрюхой старались достойно держаться на фоне выросших в этих горах пацанов и удавалось нам это, надо сказать, неплохо. Ребята же относились к своему заданию предельно серьёзно. Может быть, для них это было первое боевое задание. Они осознавали себя настоящими воинами ислама. На привалах они обращались лицами к Мекке и истово совершали обязательный намаз. Юный боец с бритым лицом бросался в ледяную воду и выскакивал оттуда со свирепым видом, издавая зловещий львиный рык, призванный наводить ужас на противников.

Ещё один длинный день подходит к закату. Опять мы у ручья раскидываем спальные, фильтруем воду, грызём печеньки. Лена скидывает обувь и считает свежие мозоли. Она называет их водянками и тут же получает прозвище «Лена двенадцать водянок». Мы хохочем как от щекотки. Она растирает ноги и задумчиво произносит: что же скажет моя педикюрша! Мы опять валимся на землю от смеха, настолько инопланетно в этих диких горах, учитывая обстановку, звучит удивительно неуместное здесь слово «педикюрша». Замечаем со смехом, что разговаривая, все трое размеренно почёсываемся в тех местах, до которых можем дотянуться. Мыться пока не получается. Остаётся лишь глупо веселиться. Серьёзные воины, расположившиеся поодаль, посматривают на нас с недоумением и явно считают нас не вполне нормальными.

На другой день, отшагав вдоль реки очередные километры двадцать, видим вдалеке домики первого села на нашем пути. Интересно, как нас встретят здесь, что за люди живут в этих дальних краях. Мы непроизвольно ускоряем шаг. Наши таджикские друзья отправляются налаживать контакт с соотечественниками. Много времени для этого не потребовалось. Всё случилось так, как нам предсказывали. Моджахедов встретили как родных. Ну и нас вместе с ними. Не знаю, какие там у них, у местных крестьян политические взгляды, и есть ли у них такие взгляды, но к нашим воинам они относятся как к надёжным защитникам. Долина реки вместе со всеми жителями оказалась отрезана от внешнего мира. Сюда не поступает еда, горючее, вообще ничего. Печальный результат жёсткой вынужденной блокады. А моджахеды крестьянам помогают. Это похоже на коллизию голливудской «Великолепной семёрки». Крестьяне защищают великолепные справедливые «ковбои» с чёрными бородами в чалмах вместо ковбойских шляп. Неудивительно, что крестьяне любят своих защитников и делят с ними кров и хлеб. Так что скоро мы все сидели за дастарханом, накрытым настолько щедро, насколько это возможно. Лепёшки, рис, помидоры, баранина. Вместо сахара, которого здесь не видели уже два года, к чаю подают пиалушку с сушёными ягодами шелковицы. Нам не раз приходилось сидеть так за уютным азиатским дастарханом, и здесь было то же самое, как будто нет войны, и мы почти забыли, зачем сюда пришли.

Переночевали под крышей, а утром продолжили свой путь. Хозяева предложили нам напрокат лошадь. Честно говоря, не очень понятно зачем. Всего-навсего своеобразный жест вежливости. От села вниз вдоль реки появилась дорога. Кончились пока наши тропы, теперь

идти стало гораздо легче. Думаю, лошадь ребята выпросили, чтобы Лена дальше ехала верхом. Но эта затея не удалась. Лена оказалась неважным всадником, ей помогли забраться на лошадь, но ехать верхом она отказалась, видно не захотела выглядеть нескладно на глазах у доблестных воинов. Чтобы такой лихой транспорт не пропадал даром, мы с Андрюхой вдвоём для пробы взгромоздились на спину нашей лошадки. Очень быстро поняли, что «Боливар не выдержит двоих». Не знаю, как уж там в кино герои лихо скачут вдвоём, наверное их несут какие-то двужильные кони. Наша лошадка точно двужильной не была, мы оказались ей не по плечу. Мы с Андрюхой попытались ехать верхом по очереди. Впрочем это было скорее забавой, идти пешком получалось куда сподручнее. Так к нашей компании добавился ещё один попутчик, четырёхногий, с копытами. Дальше лошадка шла с нами в поводу, слегка пригруженная нашими рюкзаками.

Конечно, по дороге идти стало легче. Ну и норма выработки километров повысилась, то есть теперь в день получалось оттопывать больше тридцати километров. Для опытных туристов нормы повыше, наверное, но мы совсем не в поход собирались, нам и этого хватало вполне.

Маленькая камера болталась у меня на шее, и время от времени я снимал героические моменты нашего памирского вояжа. Ещё не настали времена всеобщей цифровизации. Даже наша большая камера, которая осталась в Ванче, всё ещё аналоговый «Бетакам», хоть и новый, продвинутый, но и он ещё не цифровой. Что уж говорить про ту маленькую камеру, что я носил наготове на шее. Она теперь наша кормилица, она даст материал, который оправдывает все наши усилия, её надо холить и лелеять. И её надо кормить. Кормить электрическим током, упакованным в аккумуляторы. Их всего три, и два из них уже опустели. Наши горцы эти проблемы с электротехникой вполне понимают. И понимают, что выполненным их боевое задание будет считаться только в том случае, если эта маленькая, по сути любительская камера формата hi-8 исправно отснимет наши репортажи.

Машинка наша маленькая, но прожорливая. Хоть и экономим, а запас электротока быстро иссякает. Вдоль дороги попадаются электрические столбы, но провода на них лишь кое-где безвольно и порвано покачиваются на ветру и уходят обрывками в землю. Давно уже по этим проводам ничего не бежит. Но бьётся крестьянская мысль в моджахетских головах под шуршание камней под ногами. Кто-то из них вспоминает, что в знакомом кишлаке, в нескольких километрах в стороне от дороги, нам могут помочь с электричеством. Нет, это не генератор. Впрочем, генератор там может быть и есть, но даже если так, заправить его нечем, бензином на этих берегах давно не пахнет. Буквально во всех смыслах. Уж не знаю, для каких нужд, когда-то в этом кишлаке появилась динамо-машина с ручным приводом. Точнее — с ножным. Садись в седло, крутишь педали, а в фонаре загорается лампочка. На нас повеяло крепким XIX веком. Все мы здесь собрались, в конечном итоге, для того, чтобы наша маленькая Sony исправно мигала красной лампочкой рядом со словом «рес». Смело хватаемся за соломинку и снаряжаем «группу спасения». Жребий нам кидать нет никакого резона: Лена — наш мозг, я — что-то вроде глаза, а наши крепкие руки-ноги — естественно, Андрюха. К нему присоединяется человек, знающий дорогу и способный наладить по-таджикски контакт с местными дехканами. Они вдвоём переходят по мосту реку и скрываются за поворотом. Дождёмся их на сегодняшний ночёвке.

Ночуем мы теперь в кишлаках, и в следующем уже встречаем кроме крестьян, бородатых ребят в камуфляже. Кроме того, к нашему единственному автомату добавляется их изрядное количество. Ещё мы знакомимся с первыми пленными солдатами правительственных войск. Они содержатся во вполне гуманном состоянии, спокойно сидят во дворе вместе с моджахедами, только без оружия, одетые в какие-то обноски. Почему-то это совсем молодые ребята, почти старшеклассники, и всегда разговоры идут о том, чтобы передать их родителям, как нашкодивших двоечников.

Пока мы отдыхаем и ждём вечернего дастархана, подходят наши охотники за током. Андрюха выглядит усталым героем и сдаёт мне две наполовину заряженные батарейки. Им удалось найти антикварный механизм, и наш герой больше двух часов провёл на этом «электрическом стуле». Неизвестно, выдавал ли он всё это время 220 вольт, но авантюра явно удалась. Андрюха «накачал» аккумуляторы, и можно работать дальше. Однако, для наших репортажей материалов пока почти не добавляется, кроме, разве что, общения с пленными.

Наутро мы с облегчением покидаем кишлак, при этом с нами дальше следуют четверо пленных. Чтобы им жизнь малиной не казалась, на них погрузили наши рюкзаки. Мы этого, естественно, не просили, но так по мнению хозяев выглядит практика войны. Один парень обут в валенки с огромными дырками на пятках, остальные тоже в совершенном рванье. Рады, что живы. Очень нам наблюдать такое неприятно, но тут нас особо не спрашивают. Так мы продолжаем движение. Теперь мы знаем нашу ближайшую цель. В районе кишлака Чильдара находится что-то вроде Штаба, в нём живёт кто-то вроде Главнокомандующего всей долины. Зовут его Мирзо-Джага, к нему мы и направляемся. К вечеру вдоль дороги начинает попадаться изуродованная военная техника.

Здравствуй, чёрный Дед Мороз!

Мы, конечно, слабо представляли себе штаб боевиков, да и не очень фантазировали об этом. Когда мы до него добрались, действительность изрядно нас удивила. Мы оказались в большом уютном доме. Вокруг толкалось полно ребят в камуфляже с автоматами и пулемётами наперевес. Зато внутри царила обстановка семейного восточного благополучия. Нас встретил хозяин дома и заодно хозяин всей взбунтовавшийся долины. Мирзо-Джага Зиёев оказался удивительно колоритным человеком. Внешне он был похож на совсем неуместного здесь Деда Мороза с окладистой, но чёрной бородой, а под усами поблескивал ровный ряд золотых зубов. И встретил он нас так, как будто мы прибыли не на фронт, а на новогодний праздник. Не знаю, как у них устроена связь, но о нашем прибытии здесь знали заранее. Мирзо внимательно прочитал наше заветное письмо от Туранджонзода. Было ясно, что в нас тут заинтересованы и готовы нам в нашей работе помогать. Мирзо оказался вполне добродушным, приятным в общении человеком, строгим, с мудрой улыбкой сквозь свою бороду. Нам накрыли роскошный стол и устроили в большой комнате под ковром и плакатами с традиционными цитатами из Корана. Мы пустились в долгие разговоры, можно сказать, душевные. Мирзо рассказывал о пленных и о ситуации с боевыми действиями. Кстати, обещал показать несколько холмиков, под которыми по его словам упокоились заграничные журналисты, чересчур настойчиво интересовавшиеся положением дел в мятежной долине. Мы поверили на слово и от экскурсии отказались. Так потихоньку мы погружались в тему и начинали строить планы на будущее.

Дело обстоит так. Долина два года под полным контролем моджахедов. В нижнем течении реки есть озеро. В мирное время Голубое озеро было популярным курортом, куда жители столицы приезжали на выходные. Теперь там последние посты боевиков, а дальше — правительственные войска и дорога на Душанбе. От нашего штаба до озера два-три дня пути. В нескольких километрах от штаба, на другом берегу реки большое село Тавильдара, центр района. Там стоят президентские части, оттуда идёт ещё одна дорога из долины до самой столицы. По ней сюда в Тавильдару подвозят оружие и солдат. Оттуда ведутся регулярные обстрелы позиций повстанцев.

Моджахеды, кроме той дороги, которой прошли мы, связаны с внешним миром тем самым перевалом в город Гарм, о котором нам рассказывали в Ванче. Через этот перевал идут небольшие караваны с самым необходимым. Везут на лошадях еду, патроны и небольшой «стратегический» запас горючего. Во всей долине на ходу только одна машина — УАЗик Мирзо-Джага. Для неё и для электрогенератора предназначен этот драгоценный бензин. Командир должен управлять своими войсками в разгар войны, и для этого мобильность

необходима. Наша съёмочная группа должна дать информацию о боевых действиях в этом районе, поэтому Мирзо не жалко было потратить на нас сколько-то литров своего запаса.

Мы погрузились в его машину и поехали проводить первую съёмку для нашего будущего репортажа. Мы выехали на открытое место, вокруг УАЗика встали серьёзные парни, выставив во все стороны автоматы. За военным вождём, естественно, идёт охота, и охрана здесь более чем уместна. Квадрокоптеры на тот момент ещё не изобрели, но война есть война, охота есть охота. В те давние времена были и другие методы отслеживать противников. Мы приготовили камеру и наладили микрофон. Ответ на каждый вопрос Мирзо начинал с поминания Аллаха. Рассказывал как они воюют оружием, отбитым у противника и воюют, конечно, за свободу народа. Интервью получилось длинным, его хватило на всю нашу серию спецрепортажей. В антураже с автоматчиками, боевым УАЗиком и чёрным Дед Морозом на фоне горной страны, съёмка выглядела весьма впечатляюще.

Когда мы вернулись в дом Мирзо, его жена, молодая и скромная, приготовила для нас фантастический каравай. Не поднимается язык назвать это хлебом, это было произведением искусства. Как будто на поднос были щедро рассыпаны плоды всей таджикской земли, любовно вылепленные из теста. Кроме того, что это было невероятно красиво, я никогда не пробовал выпечки вкуснее. Как это удалось изготовить, учитывая явную ограниченность в продуктах, совершенно непонятно. Чувствовалось, что хозяина дома окружает уважение и любовь. Вообще, Мирзо органично сочетал в себе мягкость в общении, юмор, искреннюю веру в правоту его борьбы с дерзостью боевых операций, ведь его прозвище «Джага» означает «Забияка».

Наконец, дни домашнего уюта закончились. Мы закинули рюкзаки на плечи и в сопровождении небольшого отряда снова двинулись в путь поближе к Тавильдаре. На этот раз идти пришлось недолго. Нас привели в одинокий двухэтажный дом. Сейчас это назвали бы опорным пунктом. За продолговатым холмом и крутым изгибом Обихингоу расположилась Тавильдара. В наших прошлых поездках в боевую Чечню мы имели дело с организованной партизанской войной. Там нам всё было понятно, мы знали как себя вести, как там всё устроено. Несколько чеченских командировок дали достаточно опыта. Мы уже думали, что война в наше время может быть только такой, особенно гражданская. Так вот, оказалось, что здесь боевые действия ведутся совсем по-другому. В районе Тавильдары проходит настоящая линия фронта. И называется это «позиционная война». Враг стоит за рекой и каждый день, как по расписанию, ведёт артобстрел позиций моджахедов. Они отвечают как могут.

Мы поднялись на второй этаж дома у холма. Настало время обеда, принесли казан плова, и едва мы приступили к трапезе, началась стрельба, грохот, взрывы. Аппетита как не бывало! Можно сказать, что мы порядком встревожились. Мы думали, что сейчас все побегут в убежище какое-нибудь, засуетятся. Однако, все остались на своих местах и даже позволили себе снисходительные улыбки в наш адрес. Разгадка такого спокойствия не заставила себя ждать. Нам поведали, что этот милый домик находится в так называемой «тени». То есть, тот продолговатый холм загораживает дом от снарядов, пуль и прочего неприятного летучего железа. Пришлось поверить на слово и вернуться к плову. Мы с Андрюхой сидели перед дастарханом, привалившись спинами к стене, которая ритмично вздрагивала с каждым залпом, с каждой ложкой плова. Наша встревоженность довольно быстро поутихла.

Насытившись, вышли на веранду «перекурить». Перед нами открылось пространство, заполненное редко расставленными фруктовыми деревьями, неухоженный, расстрелянный сад. Наша защитная «тень» заканчивалась в нескольких метрах от веранды. Обстрел продолжался, и через сад пролетали осколки, иногда впивавшиеся во фруктовые стволы. Они мелодично посвистывали, а за холмом, не переставая, погромыхивало. Андрюха уже спокойно попыхивал сигареткой, бодро прислушиваясь к нептичьему чириканью мёртвого сада. Первый

обстрел приятно щекотал нервы нашему юному любителю острых ощущений. Обихингоу протекала непосредственно у дальнего края сада, но ребята не рекомендовали прогуливаться к берегу нашей старой бурной знакомой даже когда артподготовка закончится. Мы и не думали спорить.

Канонада скоро затихла. Мы сидели в домике и ждали развития событий. В комнату зашёл невысокий, меланхолического вида парень и спросил, не хотим ли мы снять как они стреляют по Тавильдаре. Да, хотим, конечно! Идём за ним в недалёкие кусты, там припрятана небольшая пушечка. Готовим камеру, ребята заряжают, и спокойно палят в сторону противника. Мы спрашиваем, куда они целились и попали ли в цель. Отвечают: «Да нет, просто стреляем в направлении врага. Пусть знают, что мы на месте и не дремлем». Часы показывают пять ноль ноль, это время контрольного выстрела. На войне, как нигде, обязательно надо соблюдать традиции и порядок.

Нам, конечно, очень хотелось взглянуть на зловещую Тавильдару, ну и снять несколько важных для репортажа пейзажиков. Гулять на виду у вояк, палящих во все стороны, не было никакого резона. Нам достаточно было выглянуть из-за горы, высунуть нос, нажать кнопку и дело сделано. Таджики показали подходящую горку и мы вдвоём с Леной полезли по склону. Я лихо рванул вверх, а Лена начала отставать. Наступали сумерки, надо было торопиться пока окончательно не стемнело. Лена оскальзывалась и тормозила. Но отставать для Лены невыносимо, этого она стерпеть не могла и от бессилия начала орать, что я её бросил и всякое такое в весьма обидных выражениях. У меня уходило освещение, и я вместо оправданий сам наорал на Лену и тоже обидно и зло. О том, что не можешь лазить — не берись, и чтобы она орала на кого-нибудь другого, только не на меня. Лена была поражена моим жёстким отпором. Я снял наши пейзажики, логово коварного врага. Но это было не главное. После нашей стычки Лена, как ни странно, меня как-то зауважала, что ли, как бы признала. С этого момента наши отношения изменились. Она стала мне доверять, можно сказать, что мы по-настоящему подружались. Больше она на меня не орала. Никогда.

Испытание пловом. Очень горячее блюдо

Мирзо-Джага приехал на своём УАЗике организовывать очередную дерзкую боевую операцию. Нас не стали посвящать в детали, но суть объяснили. Небольшая группа воинов должна совершить налёт на укрепление врага на другом берегу реки. Похоже, что цель состояла лишь в том, чтобы подразнить противника, пошуметь, пострелять, заявить о своей активности и показать свою удачу. Остаток дня ушёл на подготовку. Мирзо давал указания подчинённым, уточнял план действий. Мы были предоставлены сами себе, ждали развития событий. Лена, конечно, очень хотела хоть как-то поучаствовать в происходящем, дёргала Мирзо за рукав, но он лишь хитро улыбался в бороду и рекомендовал не спешить.

К обеду снова началась регулярная артподготовка. Видимо, с той стороны тоже особо никуда не целились, поскольку никакого ущерба моджахедам не приносили. Наверное, надо было потратить выделенное количество боеприпасов и держать повстанцев в тонусе. На нашей стороне все и так были в тонусе, но в несколько другом смысле. На обстрелы им было наплевать, наши предвкушали бесшабашную вылазку, бегали возбуждённые, пахло настоящим делом. Мы уже совершенно спокойно черпали ложками плов, опираясь спинами о подрагивающую от пальбы стену, перекидывались шуточками. Мы тоже были в тонусе — в конце концов, Мирзо не сказал нам «нет».

Не прошло и пары часов, как наши ожидания оправдались. Мирзо велел собираться: мы сможем снять отправку боевой группы. Спустились сумерки. Мы пересекли фруктовый сад и вышли на берег реки. Стволы деревьев посечены осколками, как солдаты, до конца стоявшие на посту. Как только я включил камеру, по бурному потоку пронёслась надувная лодка, которую несколько храбрых парней правили на другой берег, это было снято, но одного кадра явно маловато для сюжета. К счастью это понимал и наш мудрый Мирзо. Он должен был встретить налётчиков после проведённой операции. Нас решили взять с собой. Начиналась новые приключения.

Встреча была назначена в кишлаке на левом, противоположном берегу реки. В этом кишлаке нет правительственных войск, он находится под охраной моджахедов. Мы в компании Мирзо-Джага и нескольких боевиков отправились к полуразрушенному мосту. Тросы моста здорово провисли, и через его середину неслась вода. Переправа далась нам не так уж просто, но опыт мы получили по дороге с перевала Шерготал. Пока мы переправлялись и шли к кишлаку, совсем стемнело. В одном из домов нас приняли как старых знакомых. Хозяин дома тут же принёс полный казан плова на всю компанию. Подкрепиться было совсем не лишне. Не успели мы насытиться, как в дверь постучали. Слух о прибытии в кишлак доблестных защитников быстро распространился по всему селу. В дверях стоял пожилой сосед с полным казаном горячего плова. Он сказал слова благодарности моджахедам за защиту и поставил казан на дастархан. Мы обязаны были отведать угощение, чтобы не обидеть дарителя. Хоть мы и утопили голод к тому времени, пришлось снова погрузить пальцы в золотистый рис. Второй казан удалось опустошить с трудом. Сосед стоял в дверях и наблюдал, пришёлся ли его плов по вкусу. Мы поблагодарили доброго человека, утомлённые обильным ужином, и тут возник третий казан. Очень любили воинов местные жители. Они проявляли уважение, желая нас угостить, мы должны были проявить уважение, откушав принесённые дары. Нашли в себе силы лишь на половину плова, пожалуй чересчур обильно приправленного душистой зирой. Хотелось встать и немного проветриться, но тут внесли ещё один плов. Теперь уж даже наши джигиты по-таджикски взмолились о пощаде. Договорились, что мы из вежливости пригубим новый казан, выказывая благодарность четвёртому крестьянину. Потыкали масляными пальцами в рис с отчаянным ароматом зиры, которую здесь, видимо, бросали в продукт горстями,

и вернули нахмурившемуся дехканину его кушанье. Он ушёл, мы вздохнули с облегчением. Я понял, что люто ненавижу зиру, и в жизни её в рот не возьму.

В доме продолжились традиционные восточные посиделки с расслабленной болтовней по-таджикски. Мы ничего не понимали, ошалели от еды, было уже полночь, мы валились с ног. Надо дожидаться утра. Моджахеды готовы сидеть всю ночь, им надо встретить братьев, ушедших на опасное задание. В доме ночевать неудобно, пока все сидят за дастарханом. Мы с Леной и Андрюхой отправляемся на улицу, находим недалеко во дворе большой стог сена. Сено рыхлое, мягкое. Мы пошли на дело налегке, без спальников. Чтобы не замёрзнуть, мы закапываемся в свежее душистое сено, пригреваемся и потихоньку болтаем, разглядывая звёздное небо. Нам хорошо валяться в стогу втроём, мы уже понимаем друг друга с полуслова, опять шуточки и ожидание продолжения наших приключений. Наконец усталость берёт своё, мы начинаем дремать.

Тут я должен написать «Вдруг!», но никакое «вдруг» не может описать наше состояние, когда прямо перед нами в нескольких десятках метров раздаётся оглушительный взрыв с яркой вспышкой, а потом ещё один, и ещё, несколько подряд. Мы не вскакиваем, а тупо продолжаем лежать в стогу в полнейшем смятении. Настоящая реальная бомбёжка. Даже отсюда видно и слышно, что в доме бегают люди, поднимается невероятная суeta. Дожидаемся паузы во взрывах и бежим к дому. Там творится полнейший кавардак. Хозяин дома испуганный, худенький, тщедушный мужичок носится по двору, таская на руках мелких детей, и гоняет тех, что постарше. Тут же мечется его жена с вытаращенными глазами. Наши боевики чуть поспокойнее, но тоже встревожены и растеряны. Непонятно, лучше скрыться в доме или остаться на улице. Обстрел продолжается, разрывы раздаются с разных сторон, то ближе, то дальше от дома. Дети бегают туда-сюда, их здесь, кажется, не меньше десятка. Мы втроём сидим на скамейке возле входа в дом. Во всей этой беготне нет никакого смысла, но это понятно нам, людям посторонним, семья же пытается спастись, хоть и не знает как. Андрюха шепчет мне на ухо, что у него прихватило живот, и ему срочно нужно уединиться. Он находит местечко под большим деревом, которое кажется ему уютным. Утром выяснится, что эта огромная чинара растёт прямо перед домом, что-то вроде домашнего оберега, охранника, что ли. А Андрюха сидел под ней ночью со спущенными штанами. Упс! Неудобно вышло. Стыдно и нелепо.

Наконец стрельба стихает, а вместе с ней умолкают крики, прекращается беготня. Мы находим в доме укромный уголок и засыпаем вповалку до утра. Идти в стог кажется нам уже неудачной идеей.

Когда мы просыпаемся, все уже на ногах, занимаются хозяйством, ничто не напоминает о ночной атаке. У воинов для нас уже есть новости. Оказывается, то, ради чего мы переправлялись через реку, произошло в конце ночи. Мирзо с командой встретили наших лазутчиков, тех, что должны были нагнать страху на расположение регулярных таджикских войск. Произошло всё вот как. Ребята успешно переправились через бурный поток и подобрались к опорному пункту. Но тут их подстерегала неудача. Охрана обнаружила нападавших и открыла стрельбу. Моджахедам пришлось отступить. Никто не погиб, но один был ранен весьма экзотическим образом. Пуля влетела ему в щёку и, вынеся несколько зубов, вылетела через вторую щёку. Лихие налётчики хохотали от души, включая самого пострадавшего. Я себе представляю этот его смех! Похоже, бесшабашные воины ислама относились к происходящему как к забаве, к смертельному риску как к игре. Они не стали задерживаться в нашем кишлаке, а сразу отправились на базу зализывать раны и веселить сослуживцев рассказами о своей удалой вылазке. Скорее всего наш ночной тарарам был ответом на неудавшийся налёт наших смельчаков. Мы остаёмся в гостеприимном доме до вечера. В доме, который мы подвергли опасности своим присутствием, и который из-за нас чуть не сожгли.

День для работы. Поговорили под камеру с хозяином дома, отцом многодетной семьи. Паршиво им живётся, он говорил и плакал. Журналисты питаются слезами несчастных. Кишлак раскинулся на возвышенности, а внизу, на другой стороне долины — расположение вражеских войск. Мы нашли край холма, из-за которого можно рассмотреть ползающие вдалеке букашки танков. Это оттуда по нам палили этой ночью. Нельзя выходить на открытое место. Оттуда внимательно осматривают местность, отслеживают наших друзей и не замедлят снова начать стрельбу. День тянулся, нам надо было сделать что-то полезное. Местные рассказали нам, что на дальнем конце кишлака живёт старик, в дом которого попала бомба, и стеной завалило его внука. Мы пошли поговорить с ним.

Дорога переваливается между холмами и обрывами, склонами, которые прикрывают нас от прямого взгляда вражеских пушек. Только в одном месте дорога прилипла к склону, где нельзя обойти открытое место ни сверху, ни снизу. Метров двести-триста придётся окататься бабочками, приколотыми булавками в просторной коробке. Мы идём по одному, через несколько десятков метров друг от друга, так по нам труднее стрелять. Мы уже видели спичечные коробки танков в низине, когда снимали их из-за бугра, теперь они как на ладоне. По другой ладошке ползём мы чёрными точками на зелёном склоне.

Разбомблённый дедушка плачет, показывая нам синяки на спине мальчика. Мы опять оказываемся свидетелем чужого горя. Но что-то хорошее мы сделали. Чтобы слёзы дедушки не остались здесь только с ним, мы покажем их миру, это всё, что мы можем сделать.

Закончив работу, идём по той же дороге обратно. Опять перед нами открытый правительственным укреплениям склон. Первым выходит Андрюха, через минуту за ним следует Лена. Я жду немного и выхожу из-за края холма, стараюсь не смотреть в сторону далёких вражеских позиций. Опять светит солнце, тишина и покой. Наверное все отдыхают после ночного переполоха. Мы всё делаем по правилам, опасаться нечего, просто следуем порядку. Танки едва можно разглядеть, далеко. Нас, пожалуй, совсем не видно на нашей дороге. Пыль под ногами. Прохожу десяток-другой шагов и слышу длинный свист и тут же — разрыв в метрах пятидесяти выше дороги. Ого! Машинально прибавляю шаг и сразу ещё свист, покорооче, на этот раз взрыв слева где-то внизу, чуть впереди.

Совершенно ясно, что военные с той стороны нас увидели, и ведут огонь, уточняя прицел. Теперь нет никакого смысла соблюдать дистанцию, двигаться осторожно, надо просто бежать, стараясь поскорее покинуть сектор обстрела. Впереди добрых три четверти пути. Бегу уже со всех ног, понимая, что стреляют конкретно по мне. Раздаётся третий взрыв, опять после свиста, совсем громко и совсем рядом, метрах в пятнадцати, опять ниже дороги и опять чуть впереди. Сразу получаю удар лоб. В меня попали! Я всё ещё на ногах, значит живой. Если пульнут

в четвёртый раз — попадут точно. В голове проносится вихрь мыслей, и я действую автоматически, очень быстро. Плевать на соблюдение правил! Бегу, постепенно догоняя Лену. По лицу течёт кровь. Страшно дотронуться до неё рукой. Смотрю только перед собой на несущуюся под ногами дорогу. Остаётся преодолеть половину открытого участка, откуда нас видно с другой стороны долины. На ходу успел догадаться, что мне в лоб влетел не осколок снаряда — тогда я уже валялся бы в чахлой придорожной траве. Скорее всего в меня отлетел камушек, выбитый осколками из края дорожной насыпи. Я бежал, и в голове моей прыгала самая идиотская мысль из возможных. Я думал, вот сейчас догоню ребят, а у меня на лбу почти не осталось следов от раны, нечем будет похвастаться! Расстроился от этого очень. Кровь я наконец растёр рукой, осталась всего лишь небольшая ссадина и на глазах росла средней величины шишка. Невообразимо странно устроены мозги. Шок выбивает из головы самые неожиданные искры. Пожалуй, такое специально не придумаешь.

Четвёртого выстрела не последовало. Я так и не понял, танк по мне стрелял или, может быть, миномёт. Плохой я вояка! Однако, вопреки моим опасениям, мой вид весьма впечатлил коллег. Рана снова обильно кровоточила. Ребята изрядно перепугались. Какие уж тут шутки! Наша безобидная вылазка обернулась настоящим боевым происшествием.

Наконец опасность миновала. Мы быстренько добрались до наших бойцов, ожидавших нас всё в том же доме, пережившем ночной обстрел. Они только что слышали взрывы там, откуда мы вернулись, были встревожены. На них мой окровавленный лоб оказал волшебное действие. Я тут же стал в их глазах героем, пострадавшим за «правое мусульманское дело». Мирзо лично пожал мне руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.